

ПОП ГАШОН И ЯПОНСКИЕ ВИНТОВКИ

15 поразительных
историй времен
дореволюционной
России

АНДРЕЙ АКСЁНОВ

Автор подкаста «Закат Империи»

18+

Андрей Аксёнов

**Поп Гапон и японские винтовки.
15 поразительных историй
времен дореволюционной России**

«Альпина Диджитал»

2023

Аксёнов А.

Поп Гапон и японские винтовки. 15 поразительных историй времен дореволюционной России / А. Аксёнов — «Альпина Диджитал», 2023

ISBN 978-5-96-148029-0

Начало XX века в России было временем великих надежд и тревог, двух войн и двух революций. Пока рядом гроыхала история, жители империи любили и враждовали, плели интриги и создавали шедевры. Преподаватель, популяризатор истории и автор подкаста «Закат Империи» Андрей Аксёнов находит в исторических сюжетах детектив, любовную драму и высокую трагедию. Некоторые из героев его книги знамениты, другие – почти неизвестны, но все предстают перед читателем живыми людьми: Лев Толстой, глава Временного правительства Керенский и «демоническая женщина» Нина Петровская, «панки»-футуристы и крестьяне-духоборы. Это захватывающая, но достоверная история жизни в Российской империи накануне заката, полная бытовых деталей и неожиданных подробностей. «Чуть раньше, в 80-е годы XIX века, Толстому опротивели деньги. Он стыдился того, что его предки веками грабили крестьян и жили за их счет, полагал, что все зло в мире – от денег, и хотел жить просто, довольствуясь малым: рубахой да пшеном. Конечно, кашу из этого пшена готовил повар. В доме были и лакеи, и конюхи. А еще Лев Николаевич любил слушать фортепианную музыку и пополнять библиотеку. Порой он этих желаний стыдился, а порой их не замечал. Простительное свойство для великого человека». «Понятно, что все суммы, которые непрерывно ходили туда-сюда из банка в банк, Алчевский просто держал в голове. Они с бухгалтером, видимо, прикидывали, сколько примерно должно быть средств в каждом банке, если бы там не занимались махинациями, и вписывали в книги эти цифры. Никакой черной бухгалтерии на суде не нашлось: судя по полному беспорядку в делах, все делалось именно что на глазок». Для кого Для тех, кто интересуется историей Российской империи.

ISBN 978-5-96-148029-0

© Аксёнов А., 2023

© Альпина Диджитал, 2023

Содержание

Предисловие	9
Где деньги, Лев?	10
Алкоголь в Российской империи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Аксёнов

Поп Гапон и японские винтовки. 15 поразительных историй времен дореволюционной России

Научный редактор *Д. Беломестнов*

Редактор *К. Герцен*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *Л. Разживайкина*

Корректоры *О. Дьяченко, О. Ул*

Верстка *А. Абрамов*

Макет *Ю. Буга*

Дизайн обложки *Д. Изотов*

Иллюстрация на обложке *Russian Newsboy*.

[Between 1900 and 1918] Photograph. Retrieved from the Library of Congress

Иллюстрации в книге: *Российская государственная библиотека, Нью-йоркская публичная библиотека, Библиотека Конгресса США, Российская национальная библиотека, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, фотоархив Московского дома фотографии, Государственная Третьяковская галерея, Государственный музей Л.Н. Толстого, Российский государственный архив кинофотофонодокументов, архив Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», открытые источники*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Аксёнов А. Н., 2023

© ООО «Альпина Паблицер», 2023

* * *

Андрей Аксёнов

Поп Гапон и японские ВИНТОВКИ

15 поразительных
историй времен
дореволюционной
России

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2023

Предисловие

Обычно история кажется скучным предметом: мы привыкли, что в школе и в книгах на нее смотрят с высоты птичьего полета. Что произошло в 1894 году? В чем цель аграрных реформ Столыпина? Чем отличается футуризм от акмеизма?

Пытаясь ответить на все эти вопросы, мы не видим реальных лиц, а ведь за каждым важным событием стоит цепочка случайностей и множество людей, которые ошибаются, путают даты, ревнуют, подсиживают друг друга, хотят заработать денег. Мечтают о славе. Жаждают любви. Когда начинаешь смотреть на историю под этим углом, оказывается, что те, кто жил 120 лет назад, не слишком-то отличаются от нас сегодняшних.

В этой книге – истории людей: поэтов, банкиров, роковых женщин, мистификаторов, политиков, кинопродюсеров. Некоторые из героев известны, некоторые – забыты, но даже знаменитости здесь не выглядят забронзовевшими. Лев Толстой ссорится с женой из-за денег, а ищущий «горячие» сюжеты фоторепортер исподтишка снимает его. Поэты едут в тур по стране, выступают в небольших клубах, устраивают уличные перформансы и с удовольствием дают поводы для скандальных заголовков в газетах.

Каждое из этих событий имеет последствия. Страна в начале XX века меняется на глазах: растут фабрики и заводы, в деревнях появляются новые школы, русский балет гремит по всей Европе, Московский Художественный театр задает новый мировой стандарт, оппозиционеры ссорятся в Государственной Думе, революционеры устраивают теракты, аристократия ходит на балы. Это время двух войн и двух революций. Это время технического прогресса и новых имен в искусстве. Страна меняется на глазах, и никто не может предсказать, чем все закончится буквально через несколько лет.

Эта книга возникла из подкаста «Закат империи». В каждом его выпуске я рассказываю короткую историю, которая теперь превратилась в главу. Несмотря на общую бесшабашность повествования, каждая глава, каждый герой и каждая ситуация исторически достоверны, все они – объект тщательного исторического исследования. Между собой все эти истории связаны только временем – временем правления последнего императора России. Судьбы героев могут пересекаться, а иногда они могут и не подозревать о существовании друг друга. Эту книгу можно начинать читать с любой главы: тут есть и детективы, и любовные истории, и приключения мистификаторов, и политическая борьба, и финансовые махинации, – но каждая из них дает картину того, чем дышала империя накануне своего заката.

Возможно, узнав больше об этих людях, мы лучше поймем, почему эта империя исчезла. В любом случае скучно не будет.

Где деньги, Лев?

Даже если тебя признает и уважает весь мир, даже если ты стал прижизненным памятником самому себе – все твои заслуги обнуляются, как только тыходишь в свой дом. Особенно если тебя встречает жена вопросом «Где деньги?».

Великий русский писатель и философ, эксцентричная личность, вегетарианец, граф Лев Толстой на рубеже XIX и XX веков был самым известным в мире литератором и активно занимался публицистикой. Он мог позволить себе едва ли не все что угодно, и многое, что дру-

гим было непозволительно, ему сходило с рук. Его мнение могло повлиять на любые события внутри страны. Но только не на жену.

Сложно представить, какое именно положение занимал Толстой в то время. Лев Николаевич пользовался всеобщим если не уважением, то вниманием и периодически транслировал в общее культурное пространство духовные идеи. Общество не очень понимало, как к ним относиться, но если и иронизировало над ними, то ласково и с почтительностью. Короче говоря, Толстой был почти живым памятником, а семейная жизнь с памятниками тяжела. Софья Андреевна, жене писателя, приходилось порой несладко.

К 90-м годам XIX века Лев Николаевич не видит себя писателем-беллетристом. Он пишет в дневнике: «Надо покориться мысли, что моя писательская карьера кончена: и быть радостным и без нее». Он приходит к тому, что его миссия в другом. Он говорит об опрощении, о том, что деньги – безусловное зло, о том, что учение Христа и православная церковь плохо сочетаются друг с другом, о том, что Добро лучше Красоты, и заодно – о вегетарианстве.

В декабре 1908 года Лев Николаевич записал в дневнике:

«Если меня и ненавидят, *не зная меня*, многие, как много людей не по заслугам любят меня. Люди, к[оторые] по своим quasi религиозны[м] взглядам, к[оторые] я разрушаю, должны бы был[и] ненавидеть, любят меня за те пустяки – «Войн[а] и Мир» и т. п., которые им кажутся очень важными»¹.

Чуть раньше, в 80-е годы XIX века, Толстому опротивели деньги. Он стыдился того, что его предки веками грабили крестьян и жили за их счет, полагал, что все зло в мире – от денег, и хотел жить просто, довольствуясь малым: рубахой да пшеном. Конечно, кашу из этого пшена готовил повар. В доме были и лакеи, и конюхи. А еще Лев Николаевич любил слушать фортепианную музыку и пополнять библиотеку. Порой он этих желаний стыдился, а порой их не замечал. Простительное свойство для великого человека.

Вначале Толстой даже хотел доход от некоторых своих имений отдавать на нужды бедных, но Софья Андреевна воспротивилась: к этому моменту у них было уже семеро детей, и не все они были готовы к «опрощению». Вернее, готова к этому была только дочь Маша, остальные рассчитывали жить сообразно титулу. Короче говоря, Лев Николаевич нашел компромисс: 21 мая 1883 года он выдал жене доверенность на ведение всех имущественных дел, а себе оставил только самое необходимое.

Софья Андреевна, помимо хозяйственных дел, начала заниматься еще и изданием книг мужа, и это стало приносить неплохой доход. Спустя некоторое время Лев Николаевич решил отказаться от авторских прав на свои произведения, чтобы кто угодно мог печатать и распространять его книги совершенно бесплатно. Он желал, чтобы его новые книги разошлись как можно шире, отношение к своим старым книгам он изменил и денег за них не хотел.

Но эти произведения уже вошли в анналы мировой литературы, гонорары за них составляли существенную часть семейного бюджета, и Софья Андреевна возмутилась. В итоге после долгих переговоров опять был найден компромисс. Права на книги, написанные до 1881 года (в том числе на «Войну и мир» и «Анну Каренину»), Лев Николаевич оставил семье. Что касается прав на книги, написанные Толстым «после духовного возрождения», то в сентябре 1891 года он обратился к редакторам журналов «Русские ведомости» и «Новое время» с таким письмом:

«Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые были написаны мною и напечатаны в XII томе моих полных сочинений издания 1886 года, и в XIII томе, изданном

¹ Здесь и далее текст дается в современной орфографии. – Прим. ред.

в нынешнем 1891 году, равно и все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения».

Удачное решение, учитывая, что прежние произведения продолжали издаваться немалыми тиражами.

Отношения писателя с его детьми всегда были непростыми. Льва Николаевича угнетало то, что старшие сыновья оставались глухи к пропаганде добра и бескорыстия. С дочерьми дела обстояли чуть лучше: Татьяна и в особенности Мария с большим вниманием и почтением относились к отцовским идеям.

К 1891 году деньги и имущество вызвали у графа такое отторжение, что он не готов был даже терпеть обладание ими. Он, уже избавившись от прав на свои произведения, решил разделить все свое имущество между женой и детьми: если имения не будут в собственности Льва Николаевича, значит, моральную ответственность за них будут нести новые владельцы.

Вся семья съехалась в имение. Мучительно долго сыновья, дочери и жена графа делили землю, дома и капитал. Все земельные участки были оценены, после чего их разделили на девять долей. Абсолютного равенства достичь, конечно, не удалось, и доли уравнивали доплатами.

17 июня Толстой писал в дневнике: «Дома невесело – раздел». Детям не особенно нравилось участвовать в этом мероприятии, но отец напирал на то, что больше не может терпеть имущество в своей собственности. Маша, которая больше всех стремилась следовать по стопам отца, попыталась отказаться от своей части. Но тут братья и сестры возмутились и уговорили ее не артачиться: иначе все чувствовали бы себя подлецами. Маша заупрямилась, но в конце концов, когда через несколько лет решила выйти замуж, забрала свою долю.

Спустя почти 10 лет Льва Николаевича все еще продолжали мучать воспоминания о разделе:

«Мне теперь смешно думать, что выходит, как будто я хотел хорошо устроить детей. Я им сделал этим величайшее зло. Посмотрите на моего Андрюшу. Ну что он из себя представляет?! Он совершенно неспособен что-нибудь делать. И теперь живет на счет народа, который я когда-то ограбил и они продолжают грабить. Как ужасно мне теперь слушать все эти разговоры, видеть все это! Это так противоречит моим мыслям, желаниям, всему, чем я живу... Хоть бы они пожалели меня!»

В 1891–1892 годах в России был ужасный голод. Неурожай серьезнее всего повлиял на те области, где крестьяне жили особенно бедно. Последствия были катастрофическими, хотя по большей части крестьяне гибли от последствий голода – от антисанитарии, холеры и тифа, а не от недоедания как такового.

К сожалению, вокруг голода 1891–1892 года сложилось достаточно мифов. Одна из причин в том, что советскому государству было выгодно рассказывать об ужасах царизма и при любых претензиях заявлять: «Посмотрите, при царе-то было еще хуже». В первую очередь это касается мифа о «голодном экспорте» – утверждения, что во время голода в конце XIX века большое количество зерна все равно шло за рубеж. Часто в этом контексте приводят фразу, приписываемую И. А. Вышнеградскому: «Недоедим, но вывезем».

Что же было на самом деле? Россия в конце XIX века умудрялась сочетать несочетаемое. Это была аграрная держава, и экспорт зерна приносил в страну существенные деньги. Несмотря на отставание от европейских стран, к концу XIX века зерна в России хватало и для себя, и на экспорт: в этом смысле отсталая империя, совсем недавно избавившаяся от крепостничества, даже выигрывала у позднего СССР. Да, в среднем советский колхозник производил гораздо

больше зерна, чем крестьянин в царской России. Но в целом СССР обеспечить себя зерном не мог и был вынужден закупать его за границей².

Но как же голод? Как можно одновременно экспортировать зерно и допускать голод в стране?

Дело в том, что в России в то время сосуществовало много разных моделей ведения сельского хозяйства. Главными были две. В крупных латифундиях (в основном на Украине) землю обрабатывали современными методами, использовали удобрения, получали отличный урожай. Там пользовались наемным трудом, работников требовалось сравнительно немного. Полученное зерно (его было много) продавали и за рубеж, и на внутреннем рынке. Вывозных пошлин в империи не было вообще, то есть зерно просто продавалось тем, кто больше платит.

При этом 80 % населения России были крестьянами и жили в деревнях. Питались там очень плохо: если урожая хватало, чтобы перезимовать, это уже считалось удачей. Голод, хотя и не такой жуткий, как в 1891–1892 годах, был нередким, причем ситуация ухудшалась с каждым годом: население страны постоянно росло, а пахотной земли больше не становилось.

В чем проблема? В чрезвычайной неэффективности личного крестьянского хозяйства. Народу в деревне живет много, земли – мало, пахут ее даже не плугом, известным еще древним римлянам, а сохой, об удобрениях и речи не идет. (Кстати, герой этой главы принципиально пахал сохой, а плуг считал вредным нововведением.)

Но одной из самых больших проблем была чересполосица. Земля, принадлежавшая селу, то есть общине, считалась общей и делилась на всех узкими полосками. У каждого крестьянина был не собственный квадрат, где он сеял что хотел, а много-много узких полосок: так удовлетворялось стремление народа к равноправию. Это был самый честный способ поделить общинные угодья, но в такой ситуации всем приходилось сеять одно и то же, работать одинаково и часто одновременно. При этом земля регулярно перемерялась и делилась заново – в зависимости от изменения количества жителей в общине.

В таких условиях удобрять свою землю, заботиться о ней не имело большого смысла: через несколько лет она могла перейти к другому. Кроме того, земли нередко не хватало и, следовательно, в деревне существовал избыток рабочей силы. Но крестьянство считалось носителем духа русского народа и опорой трона, а город – царством разврата, содома и гоморры: пусть-де лучше крестьяне сидят в деревне и не развращаются. Исправлять это начал только Столыпин со своими знаменитыми аграрными реформами, но тогда его время еще не пришло.

Важно также понимать, что в то время землевладение было частным и урожай с земли получал тот, кто ее обрабатывал. Невозможно себе представить, чтобы к крестьянину, как в 1930-е годы, пришел представитель власти и забрал урожай, чтобы отправить его на экспорт в Европу.

Два года аномальной погоды привели к рекордному неурожаю. Рвется там, где тонко: голодать начали крестьяне. Одновременно с этим крупные хозяйства собрали достаточный урожай и продали его за рубеж. Почему за рубеж? Там дороже покупали. Империя того времени уважала частную собственность и не могла позволить себе ни перераспределять урожай в пользу голодающих, ни требовать от частников, чтобы они продавали зерно туда, где за него меньше давали. Рынок тогда регулировался крайне слабо: все имели право зарабатывать и развиваться так, как считали нужным.

Если посчитать весь урожай, то в 1891 году в Российской империи было произведено зерна достаточно и для внутренних нужд, и для экспорта (советское сельское хозяйство при Брежнев, к примеру, не могло похвастать тем же. Тем не менее голод был таким масштаб-

² Существует мнение, что СССР закупал только фуражное зерно для скота, однако это не так. Основные поставки шли из США (статистика экспорта американской пшеницы доступна). В СССР поставлялось зерно не ниже третьего класса, то есть хорошая, пригодная в пищу пшеница. – *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. авт.*

ным, что государство все-таки решилось закрыть экспорт зерна, но это оказалось бессмысленным: к этому моменту продавцы зерна и так направляли его на внутренний рынок, потому что цены внутри страны подскочили. Запрет экспорта привел только к тому, что хлебные экспортеры потеряли на Западе рынки, клиентов и доверие.

Государство не только приняло заградительные меры, но и направило огромные средства на закупки зерна и преодоление голода, а впоследствии организовало подробнейшее расследование ситуации. Чтобы катастрофа не повторилась, в России наладили систему продовольственной помощи: крестьян заставляли отдавать часть урожая в специальные фонды, зерно из которых возвращалось им же при неурожае. Если этого запаса не хватало, помогали деньгами и зерном из фондов губернского и общероссийского уровней.

Но государство, конечно, не сразу решило проблему, и Толстой не мог смотреть на мучения народа. Стремясь помочь голодающим, он развил бурную деятельность: организовал комитет помощи крестьянам, открыл столовые для бедных, закупил лошадей для семей, потерявших их. Более того, они с супругой запустили крупнейшую, как это называли бы сейчас, краудфандинговую кампанию. Софья Андреевна опубликовала в «Русских ведомостях» открытое письмо с просьбой о помощи голодающим. Всего за время голода в виде пожертвований Толстые собрали более 200 тысяч рублей. Деньгами жертвовали даже из-за рубежа: например, из США на имя их комитета пришло около 150 тысяч долларов. Нетрудно оценить, насколько известны и важны для всего мира были и слово Толстого, и участие его в общественных делах.

В этой трагедии Лев Николаевич и Софья Андреевна действовали рука об руку и жена поддерживала мужа. Через три года Лев Николаевич снова воспользовался своей известностью ради блага других, но супруга уже не была так благосклонна. На этот раз Толстой включился в кампанию помощи духоборам.

Кто такие духоборы? Это одна из христианских сект. Духоборы отвергали православную обрядность и даже Библию не считали непререкаемым авторитетом. Вместо нее в их традиции так называемая Животная книга – изустно передаваемые друг другу псалмы и заговоры от зла. Учение секты немного похоже на квакерское.

Один из лидеров духоборов Петр Веригин, будучи в ссылке, познакомился с философией Льва Толстого и, вернувшись, предложил последователям такую программу:

1. Отказ от эксплуатации наемного труда. (*Привет, Карл Маркс!*)
2. Снижение рождаемости путем полового воздержания и отказа от браков. (*Привет, Лев Николаевич.*)
3. Раздел имущества поровну между всеми членами общины (с добровольного согласия богатей).
4. Отказ от стремления к обогащению, опрощение.
5. Отказ от военной службы.
6. Вегетарианство.

Последователей Веригина, чтобы отличить от остальных духоборов, стали называть постниками – из-за вегетарианства («Главная основа существования человека – энергия мысли, разум. Пищей вещественной служат: воздух, вода, фрукты и овощи»). Такое реформаторство не могло не прийтись по душе Льву Николаевичу. Но самым важным пунктом был предпоследний: отказ от военной службы, принципиальный пацифизм. Из-за него у духоборов, принявших программу Веригина, предсказуемо начались серьезные проблемы.

В 1895 году несколько тысяч духоборов-постников на Кавказе по совету Веригина заявили властям о своем отказе от военной службы. В ночь на 29 июня они собрали в кучу все оружие, что у них было, и сожгли под пение псалмов. Правительство, чтобы усмирить непокорных верующих, послало казаков, и те действовали чрезвычайно жестоко. Сектантов избивали, грабили, женщин насиловали.

Позже около 4300 духоборов было принудительно переселено, военнообязанных приговаривали к заключению в тюрьму и службе в дисциплинарных батальонах, упорствующих ссылали в Сибирь на 18 лет. Столь жестокие репрессии вызвали невероятное негодование, общественность возмутилась, и во главе протеста встал Толстой. Вместе с последователями (а их было немало, даже небезызвестный поп Гапон³ в свое время принадлежал к их числу) он организовал массовую кампанию в прессе, подключил связи с иностранными СМИ – по всей Европе выходили статьи, в которых преследования духоборов в России сравнивали с гонениями на христиан в Древнем Риме. Было опубликовано воззвание о сборе средств – Лев Николаевич лично дополнил его послесловием, передал в помощь сектантам тысячу рублей и пообещал отдавать страждущим все гонорары, которые получал за постановку своих пьес в театрах.

Тут Софья Андреевна, для которой кампания оказалась сюрпризом, потребовала у мужа разъяснений. Четырьмя годами раньше он отдал право распоряжаться своими текстами жене. Она рассчитывала на эти доходы, детей надо было одевать и воспитывать... Короче, «где деньги, Лев?».

Лев Николаевич такой «бесчувственности» не потерпел, и супруги поссорились. Где уж жене понять: она думает только о теще мирской, а тут божьи люди страдают, и это при том что один поход Толстого-младшего в театр стоит столько же, сколько еда на неделю для крестьянской семьи!

Толстой упорствовал. Он даже достал из ящика стола незаконченный роман «Воскресение» и принялся за старое: вместо философских и духовных статей пишет роман о трагической любви. Долгожданный «камбэк» тут же перевели на многие языки, а Лев Николаевич, получив гонорар, пожертвовал его на переселение духоборов. Было решено отправить их в Канаду, где они могли бы без притеснений жить согласно своим пацифистским воззрениям.

Лев Толстой за работой в Ясной Поляне

³ См. главу «Поп Гапон и японские винтовки».

Тут Софья Андреевна ничего не могла поделывать: ей передали только права на тексты, изданные до 1881 года, а это произведение было свежее. Тем не менее осенью 1898 года она записала в дневнике:

«Я не могу найти в своем сердце сожаление к людям, которые, отказываясь от воинской повинности, этим заставляют на их место идти в солдаты обедневших мужиков, да еще требуют миллиона денег для перевоза их из России».

«И к чему эти духоборы! Как неестественно. А у самих у нас постоянная забота о семье; им бы, детям нашим, нужен был отец, заботящийся о них, а не искать по всему миру каких-то сектантов».

Но беды с деньгами на этом не закончились. В 1895 году, за год до смерти, Альфред Нобель написал завещание, в котором выделил значительную часть своего состояния на премии за выдающиеся достижения в физике, химии, медицине, в литературе и в борьбе за мир. В 1901 году выбрали первого лауреата премии по литературе. Им стал Сюлли-Прюдом, французский поэт, но не все члены Нобелевского комитета были согласны с этим решением. Сорок девять шведских писателей написали открытое письмо протеста, считая, что немыслимо давать кому-либо такую награду при живом Толстом!

Лев Николаевич забеспокоился: того и гляди ему всучат 150 тысяч крон! Он не хотел получить премию. Он всеми силами старался избавиться от денег, а тут пытаются дать еще! Толстой написал в Нобелевский комитет очень уважительное письмо:

«Дорогие и уважаемые собратья,

Я был очень доволен, что Нобелевская премия не была мне присуждена. Во-первых, это избавило меня от большого затруднения – распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло; а во-вторых, это мне доставило честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со стороны стольких лиц, хотя и незнакомых мне, но все же глубоко мною уважаемых».

Но не все было так просто!

В 1902 году имя Толстого опять появилось в списке номинантов. Теперь за него хлопотали несколько уважаемых литераторов из Франции. Выдвинули его и в следующем году...

Лев Николаевич немного нервничал, но до какого-то времени Нобелевский комитет его игнорировал. Потом к продвижению отечественной литературы решили подключиться на родине писателя, и в 1906 году Российская академия наук выдвинула Толстого на Нобелевскую премию. Лев Николаевич не ожидал такого подвоха, но публично отказываться ему было неудобно. Он написал другу, писателю, переводчику его работ на финский язык Арвиду Ярнефельту. Видно, что послание сочинено спешно и в несвойственной ему манере:

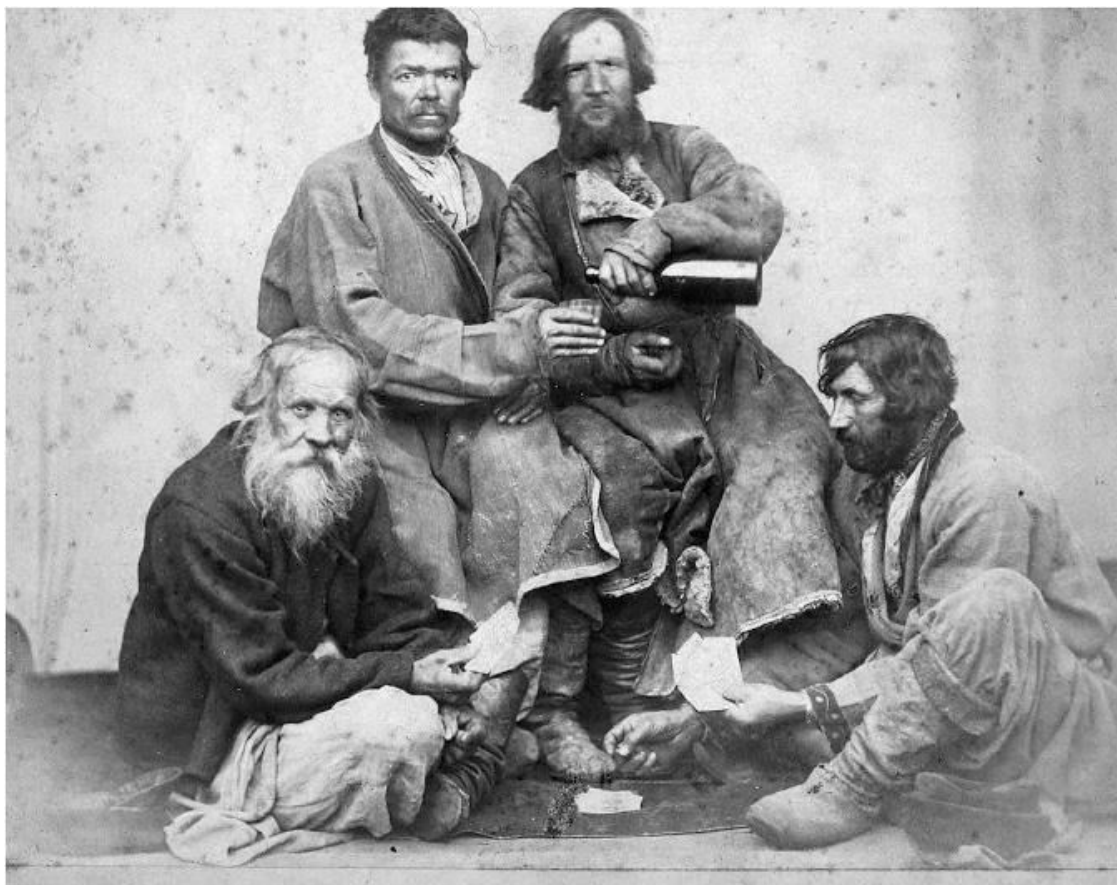
«По словам Кони, может случиться, что премию Нобеля присудят мне.

Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться, а поэтому я очень прошу вас, если у вас есть – как я думаю – какие-то связи в Швеции, постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии. Может быть, вы знаете кого-то из членов, может быть, можете написать председателю, прося его не разглашать этого, чтобы этого не делали».

Времени было мало, до оглашения результатов оставалось всего три недели, но Ярнефельт сделал все, чтобы помочь графу. Он перевел письмо Толстого на шведский язык и отправил его в Стокгольм, в Нобелевский комитет. Там с пониманием отнеслись к просьбе писателя и решили не принимать во внимание документы из Российской академии наук.

Лев Николаевич был очень рад, хотя для решения вопроса и пришлось использовать знакомства. О том, что думала на этот счет Софья Андреевна, история умалчивает.

Алкоголь в Российской империи

Если начинать разговор об алкоголе в Российской империи, то, конечно, в первую очередь придется говорить о водке: она – спиртной напиток № 1 для большинства граждан.

Самое важное, что нужно сказать, – то, что в России с 1894 года существовала винная монополия. Государство практически полностью контролировало производство горячительных напитков и получало доход с их продажи. И большой доход: в 1913 году 26 % поступлений в бюджет обеспечивала винная монополия – причем не от акцизов и налогов, а непосредственно от продажи водки людям. Следующей по доходности была железнодорожная монополия, которая тоже принадлежала государству.

Зачем вообще решили организовать винную монополию? С 1860-х годов до 1894 года в империи действовала акцизная система, примерно такая же, как сейчас. Частные предприятия производили алкогольные напитки, платили акциз, бутылки обклеивали акцизными марками, и после этого спиртное можно было продавать в магазинах, трактирах и ресторанах. Для продажи заведениям нужно было купить лицензию, и ограничения были совсем небольшими: в частности, нельзя было торговать алкоголем в воскресенье до окончания церковной службы. Были и требования к обстановке внутри магазинов: например, нельзя было устанавливать там столы и стулья.

Акцизная система приносила прибыль, но не все было гладко. Во-первых, производители были заинтересованы в том, чтобы делать как можно больше алкоголя, и правительству это не нравилось. Во-вторых, ставка налогообложения была не очень высокой, а повысить ее было трудно – мешало промышленно-торговое лобби. Рыночные отношения привели к тому,

что победил самый дешевый способ напиться. Все пили водку, которая полностью вытеснила с рынка и пиво, и вино. Проще было все переделать, чем изменить положение вещей к лучшему.

Полностью поменять систему решил Сергей Юльевич Витте, человек обстоятельный и решительный. Государство тогда долго запрягало, никуда не спешило и, пока еще страна не вошла в турбулентный режим, организовывало дела толково и грамотно: винная казенная монополия – своего рода организационный шедевр тогдашней власти.

Самое необычное заключается в том, что государство монопольно устанавливало цены, по которым закупало спирт у частных производителей. Задачи были хитро распределены между государством и частниками, а система в целом – очень тонко настроена.

Спирт как таковой производился исключительно на частных предприятиях. С них брали налоги, причем система налогообложения была гибкой. В наилучшем положении оказывались мелкие сельские производители, и не просто сельские, а работавшие в основном зимой. Почему так? Потому что у крестьян зимой нет работы в поле и дополнительный заработок на таких предприятиях был очень кстати.

Выпускать полностью очищенный 96-градусный спирт было необязательно. Если фильтры и современные ректификаторы были – прекрасно. Если нет, спирт дорабатывался на казенных спиртоочистительных заводах, но в этом случае доход частника был меньше. При этом казенные заводы закупали спирт практически только у местных производителей, невзирая на цену сырья: так поддерживали производство в регионах. Сырьем для изготовления спирта, кстати, в подавляющем большинстве случаев был картофель.

Дальше из спирта надо было сделать водку. Она производилась уже только на казенных заводах, причем выпускали исключительно два ее вида: «обыкновенное казенное вино», так называемая красная головка (по цвету сургуча на горлышке), и «столовое казенное вино» – «белая головка». «Белая головка» была лучше очищена и продавалась дороже, ее покупали меньше⁴.

Разливали готовую водку в разнообразную тару. Самой крупной мерой объема было ведро – 12,3 литра. Следующая по величине – четверть, 3,1 литра (четверть ведра). Еще такую тару называли «гусь», причем в женском роде: «одна гусь». Далее шел штоф – 1/10 ведра, и полуштоф. Последний был самой распространенной бутылкой и вмещал 0,615 литра. Но этим дело не ограничивалось: водку разливали косушками (четверть штофа, примерно 300 миллилитров) и чарками (примерно 120 миллилитров). Чарка водки была вписана как вид довольствия в армейский и флотский уставы. Самой маленькой мерой был фуфырик, он же мерзавчик, он же шкалик, – полчарки, 1/200 ведра (примерно 60 миллилитров).

Где же продавалась водка? Во-первых, в казенных винных лавках, или в монополях, как их еще называли. Это были заведения стандартные, торговали там по твердой цене и только навывнос. Никаких столиков и бара не было. Создатели монополии предполагали, что покупатели будут вынуждены нести водку домой, а там жена, дети и пить как-то не с руки. На деле вопрос решался просто: жаждущие приникнуть устами к долгожданному нектару лихо срывали сургуч прямо на выходе из лавки и тут же с удовольствием употребляли. Никого запрета на распитие на улице тогда не было. В лавках можно было купить и чистый спирт, но экономить, покупая его, не имело смысла: цена на водку рассчитывалась исходя из стоимости спирта.

Помимо казенной водки, была и частная. Можно было приобрести лицензию и производить напиток по своему вкусу и по собственной технологии. Однако такая водка тоже сдавалась на казенный винный склад, и государство само определяло рыночную цену на нее.

⁴ При производстве спирта из него очень трудно удалить некоторые вещества, имеющие неприятный вкус и запах. Когда спирт очищен хуже, в нем лучше сохраняются привкус и аромат исходного продукта. Они отчасти маскируют присутствие вышеупомянутых трудноудаляемых веществ. Возможно, многие действительно предпочитали хуже очищенную и более дешевую «красную головку».

Цена эта была высокой, так что конкурировать с казенной водкой смысла не было никакого. Поэтому частные производители, например Шустов, делали водку намного выше качеством, чтобы оправдать ее стоимость.

Казенный винный склад

Но не одной водкой жили подданные империи. Как насчет пива и вина? Государство всеми силами поддерживало пивоварение и производство вин. Одной из задач монополии было отучить народ от крепких напитков. Акциз на пиво был небольшим, грамм спирта в нем стоил вдвое меньше, чем в водке. Вина российского производства вообще были освобождены от акциза, но, к сожалению, так и не смогли завоевать хоть сколько-нибудь значительный рынок. Простой народ виноградным вином не интересовался, а публика побогаче предпочитала иностранные напитки. В какой-то момент император, чтобы поддержать отечественного производителя, указал поставлять ко двору шампанское «Абрау-Дюрсо» вместо Heidsieck & Co Monopole, но, кажется, не всем перемена пришлась по вкусу.

Продажи пива же росли с каждым годом: к началу Первой мировой войны в России работало около тысячи пивоваренных заводов. Интересно, что многие из них варили пиво по одним и тем же рецептам: самым популярным сортом было «Баварское» плотностью 12,3 % и крепостью 3,4 %.

На импортные спиртные напитки была установлена высокая пошлина, что сразу же переводило их в разряд недоступных простым людям. Дешевое итальянское вино поставлять в Россию смысла не было, а коктейли у нас и вовсе появились только в XX веке – первый бар с ними открылся в 1906 году, в отдельном помещении фешенебельного ресторана «Медведь». Выглядел этот бар так же, как современный: длинная барная стойка, высокие стулья, только бармена по привычке называли буфетчиком. Заинтересованная публика валила валом, а вскоре похожие заведения стали появляться и в других городах.

Спиртные напитки можно было продавать не только в винных лавках, но и в питейных заведениях, однако и тут были ограничения. В Российской империи все заведения общепита официально назывались трактирами и делились на два разряда. Трактиры второго разряда, однако, были обязаны продать любому желающему целую и запечатанную казенную бутылку по государственной цене. Трактиры первого разряда, то есть рестораны, могли продавать любые напитки с произвольной наценкой. Лицензия была недорогой, но некоторые экономили и продавали водку тайно. «Московские ведомости» 20 апреля 1901 года писали:

«18 апреля в чайной лавке крестьянина Катаева, в доме Копытина на Садовой у Земляного вала, вошедший местный городской Зайцев застал пившего водку посетителя, перед которым на столе стояла поданная в тарелке закуска и чайник с водкой. В присутствии свидетелей городской хотел отобрать водку, как доказательство, но содержатель лавки Катаев вступил с ним в борьбу и начал вырывать из рук как чайник с водкой, так и тарелку с закуской, причем тарелка разбилась и осколками городскому порезало пальцы. За тайную продажу водки, за которую, по заявлению посетителя, заплачено было 38 копеек, Катаев привлечен к ответственности».

Помимо казенных лавок и трактиров, алкоголь мог продаваться и в особых частных магазинах – ренсковых погребах. Если спиртное хотели продавать в продовольственном магазине, винный отдел должен был иметь отдельный зал и вход.

Еще одной важной задачей винной монополии была борьба с самогонварением. Как же этот вопрос решался? Очень мудро: чисто экономическими методами.

Цена на казенную водку была максимально высокой, но все еще такой, при которой не появлялся соблазн варить самогон. Постепенно, когда народ привыкал к цене и общепринятому порядку вещей, цену осторожно повышали, чтобы уменьшить потребление спиртного.

При этом важно понимать психологию простого народа: многие источники отмечали невероятное упорство русского мужика в вопросах всеобщего равенства. Говорили, что, если предложить дать ему два рубля, а соседу два рубля и копейку, то мужик предпочтет, чтобы обоим дали по рублю. Любой способ возвыситься относительно окружающих воспринимался на селе в штыки, а если это было еще и нелегально, то соседи моментально доносили.

В целом винная монополия была устроена прекрасно, мудро и честно, работала отлично и давала большой доход казне. Из каждых 40 копеек (именно столько стоила стандартная бутылка водки) 10 копеек шло напрямую в казну. Но, конечно, были и минусы, и главный из них – медийный, а именно угроза образу царской власти в общественном мнении. Все время правления Николая II все активнее и активнее муссировались слухи о том, что царь устроил монополию для поддержания доходов казны и теперь спаивает народ, чтоб заработать побольше денег. Это было совершеннейшей несправедливостью: одной из главных целей организации монополии было как раз здоровье народа – постепенное снижение употребления алкоголя, переход на пиво с вином и искоренение самогона. Тем не менее такое обвинение было чрезвычайно популярным.

В обществе считалось, что русский народ пьет безбожно, и вина за это, как уже было сказано, многими возлагалась на правительство. Однако статистика этого не подтверждает. К 1913 году потребление алкоголя на душу населения в год составляло около 3 литров, и Россия по этой позиции занимала предпоследнее место в десятке наиболее развитых стран. До английского рабочего русскому было далеко.

У казенной винной лавки в Нижнем Новгороде

Почему же у всех было ощущение, что русский мужик пропадает и надо его как-то спасти? Потому что водка была атрибутом престижного потребления. Сейчас у нас есть много возможностей продемонстрировать окружающим жизненный успех и достаток: купить коллекционные «аидасы», выложить в соцсети фотографию с отдыха в Турции, приобрести, в конце концов, последнюю модель айфона. Сто двадцать лет назад такого ассортимента не было. Можно было купить смазные сапоги, поднатужиться и завести патефон или баян, но на все это приходилось копить. Водка стоила дороговато, 68 копеек за литр, – примерно дневной заработок крестьянина. Но крестьянину требовалось еще кормить семью: не разгуляешься.

Так вот, если ты зарабатываешь чуть больше, чем средний крестьянин, самым простым способом продемонстрировать это окружающим было купить водки и напиться, причем не дома: весь смысл в том, чтобы «успех» видели все вокруг! Поэтому было принято прийти в винную лавку, купить, скажем, полуштоф и тут же, не отходя далеко, выпить. Если при этом ты падал без чувств в канаву рядом с лавкой, так было даже лучше: все вокруг видели пьяного, завидовали по-доброму и понимали – вот лежит человек обеспеченный, и поработать умеет, и погулять. Кроме того, выпить водки не отходя от лавки было и выгодно: потому что можно было сразу же сдать бутылку и получить ее стоимость, таким образом прием посуды мотивировал людей к мгновенному употреблению.

Поэтому при сравнительно низком уровне потребления алкоголя казалось, что вся страна буквально усыпана беспробудно пьяными мужиками. Любой праздник – и пожалуйста, возле винной лавки можно собирать урожай «бездыханных тел». Выглядело это, конечно, ужасно, и образованным людям хотелось обязательно что-то предпринять, чтоб спасти погибающую Россию. И меры были приняты, хотя привели совсем не к тем последствиям, о которых все мечтали.

В 1914 году началась Первая мировая война. Император, который всегда с прискорбием относился к тому, что его считают спаивателем Руси, наживающимся на народной беде, ввел сухой закон. С этим была связана сложная интрига: премьер-министр Коковцов понемногу

увеличивал цену водки, а народ роптал и винил во всем царя и его непомерные аппетиты. Тогда известный публицист князь Владимир Мещерский, министр внутренних дел Николай Маклаков, финансист Манус, печально знаменитый Григорий Распутин, а также неожиданно присоединившийся к ним создатель монополии Витте объединились, чтобы сместить Коковцова. Витте, несмотря на все свои заслуги и таланты, отличался порой неуместным интриганством и, кажется, до конца жизни лелеял надежду вернуться на политический олимп, с которого сошел в результате революции 1905 года.

Самым удобным рычагом для давления на Коковцова и царя была винная монополия. В результате Коковцова все-таки сняли с поста, но царь не хотел допускать Витте к принятию решений, так что ему эта интрига ничего не принесла. Однако машина пропаганды против винной монополии была запущена. Когда началась Первая мировая война, с пьянством решили бороться запретительными мерами. Сначала в зонах мобилизации объявили ограничения на продажу алкоголя. Закончилось это очень плохо: призывники, ничего не боясь, громили винные лавки и пили напоследок, что называется, как не в себя: хуже, чем фронт, все равно уже ничего не будет. Винные погромы прокатились по Сибири, Уралу, Поволжью и Центральной России. В Кузнецке склад взяли приступом, и несколько дней он находился в руках призывников. Полиция не рисковала проникать внутрь – ограничивалась наблюдениями и донесениями начальству, ожидая, что погром прекратится сам собой. В Барнауле при разгроме склада начался пожар. Постепенно к призывникам начали присоединяться и крестьяне...

Казалось бы, можно было догадаться, что решение приняли неудачное. Однако 22 августа Николай II неожиданно для всех повелел продлить запрет на продажу спирта, вина и водочных изделий для местного потребления – вплоть до окончания войны. Как вы, должно быть, помните, винная монополия давала четверть всех поступлений в бюджет. Введение сухого закона во время войны стало одной из самых больших ошибок, которые совершил царь.

Сразу возникло множество проблем. Например, к тому времени в России насчитывалось более тысячи крупных пивоваренных заводов и около пяти тысяч маленьких пивоварен. Если бы их закрыли, безработица бы выросла, а поступления в бюджет, опять же, уменьшились. Так что пивовары завалили министерство внутренних дел жалобами и запросами.

В правительстве предлагали не запрещать пиво окончательно. Предлагали и снизить уровень спирта – в пиве до 3 %, а в водке – до 37 %. Товарищ министра внутренних дел⁵ Владимир Джунковский писал Петру Барку, министру финансов:

«Разрешение продажи пива не может грозить особо вредными последствиями, а между тем, несомненно, устранил надвигающийся для значительного числа лиц экономический кризис».

Но царь закусил удила. Пятнадцать предыдущих лет его регулярно обвиняли в том, что он спаивает народ, и он решил доказать обратное. 10 сентября император собственноручно написал в особом журнале совета министров по поводу всех компромиссных предложений:

«Делу этому не давать хода ввиду того, что я предрешил казенную продажу вина воспретить навсегда».

Официально сухой закон преподносился как мера, направленная на заботу о народном здоровье. (Любопытно, что точно таким же поводом пользовались, когда винную монополию вводили.) Однако на практике последствия нововведения оказались прямо противоположными. Потребление казенной водки в империи, конечно, сократилось, но, например, количество смертей от алкоголизма не уменьшилось: в 1915 году в мае было зарегистрировано 72 таких случая, а до войны, тоже в мае, но 1914-го, – 71. Откуда же народ стал брать спирт, если продавать его запретили? Ответ прост: очень многие пили денатурат. В начале века в Европе

⁵ В современном значении – заместитель или помощник министра. – *Прим. ред.*

были разработаны яркие спиртовые лампы, по всем параметрам превосходившие популярные тогда керосиновые: обходится светильник во столько же, но спирт горит чисто, лампа не загрязняет воздух. Конечно, всем хотелось пользоваться плодами прогресса. Но была проблема: казенный спирт стоил дорого, цена на него была искусственно завышена. Снизь ее – и все сразу примутся пить такой спирт, а казенное «вино» покупать перестанут. Надо было что-то придумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.